

Негосударственное образовательное учреждение
«Камский институт инженерных и гуманитарных технологий»

Научно-практический журнал «ИДНАКАР»: Методы историко-культурной реконструкции

e-journal IDNAKAR:
Rigorous scientific methods for historical
reconstruction

2007 № 1

Научно-практический журнал «ИДНАКАР»: методы историко-культурной реконструкции» является сетевым продолжающимся общедоступным и бесплатным электронным изданием.

УДК 30(06)
И296
ББК 63.3

Учредитель: НОУ «Камский институт инженерных и гуманитарных технологий»

Издатель — Алексей КОРОБЕЙНИКОВ

Главный редактор — д-р ист. наук, проф. Сергей БЕХТЕРЕВ

Редколлегия — д-р ист. наук Нэлли ЛИГЕНКО (заместитель главного редактора), д-р филос. наук, проф. Риф НАСИБУЛЛИН, д-р ист. наук Игорь ЖЕРЕБЦОВ, д-р ист. наук, проф. Аркадий ТРОНИН, канд. техн. наук, доц. Николай МИТЮКОВ, канд. ист. наук Владимир ЧУРАКОВ, канд. ист. наук, доц. Сергей БЕЛЫХ (ответственный секретарь), Алексей КОРОБЕЙНИКОВ, Денис САХАРНЫХ (технический редактор, вебмастер).

Коды тематических рубрик: 07.00.02 — отечественная история, 07.00.06 — археология, 07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, 24.00.03 — музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов, 24.00.01 — теория и история культуры.

И296 Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. — Вып. 1:
Сб. ст. — Ижевск, Изд-во НОУ «КИТ», 2007. — 120 с.

ISBN 978-5-902352-18-1

В журнале публикуются статьи и сообщения, отражающие результаты работ в области исторической (социально-исторической, историко-политической, историко-культурной и т.д.) реконструкции, реконструкции материальной и духовной культуры, а также реконструкции языковых состояний; рецензии, книжные обзоры, программы учебных курсов, информация о мероприятиях, посвященных историко-культурной и языковой реконструкции (конференциях, семинарах, выставках и др.).

Журнал предназначен для историков, археологов, лингвистов, культурологов и представителей других специальностей, интересующихся вопросами историко-культурной реконструкции, аспирантов и студентов, музейных работников.

Периодичность выхода: 2 раза в год.

УДК 30(06)
И296
ББК 63.3

ISBN 978-5-902352-18-1

© Авторы, 2007
© Издательство НОУ Камский институт
гуманитарных и инженерных технологий, 2007

С. К. Белых
Удмуртский государственный университет
ул. Университетская 1, 4260004 Ижевск, Россия
email: bibulus@udm.ru

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ САМОНАЗВАНИЯ БЕСЕРМЯН

Единственной приемлемой этимологией самоназвания одного из малочисленных народов Урало-Поволжья — бесермян (*beşerman*), которые сегодня расселены отдельными кустами в северных и северо-западных районах Удмуртской республики, в бассейне реки Чепцы (левого притока Вятки) [1], — является на сегодняшний день возведение его к тюркскому слову **büsürman* / **büsürmen*, которое восходит в конечном счёте к арабской лексеме, означающей «мусульманин» [2]. Усвоение этого слова бесермянами в качестве самоназвания неразрывно связано с некоторыми особенностями их этнической истории.

Согласно выдвинутой В. В. Напольских гипотезе, *бесерменами* еще в XIV – XV в. русские источники именовали часть населения бывшей Волжской Булгарии, отличную по своей этноконфессиональной принадлежности от прочих групп населения этого края; он же предположил, что под этим именем скрывалась какая-то часть потомков волжских булгар, исповедовавшая ислам, но первоначально отличавшаяся по некоторым своим этническим признакам от другой части мусульманского же населения бывшей Волжской Булгарии и, позднее, Казанского ханства, которую русские источники именуют *татарами*. В ходе постепенной кипчакизации населения этого региона, происходившей в XIV – XV вв., *бесермены* в большинстве своём слились с *татарами* и послужили одним из компонентов в формировании казанско-татарской народности; по-видимому, некоторая часть булгарских *бесермен* вошла в том числе и в состав так называемых каринских (чепецких) татар [3].

Происхождение этой последней группы татарского народа следует, по всей видимости, выводить из Заказанья (округи Арска). Не позднее второй половины XV века предки чепецких татар, возглавляемые арскими татарскими князьями, переселились из-под Арска в бассейн р. Чепцы, где их новым центром стало село Карино, расположенное в низовьях реки. Следует полагать, что при этом переселении арских князей сопровождало и подвластное им население, среди которого, помимо собственно татар, были и южноудмуртские группы, как раз и ставшие предками современных бесермян (не случайно наречие бесермян, давно живущих среди северных удмуртов, по многим своим отличительным особенностям сближается с южноудмуртскими диалектами, носители которых до сих пор живут в отдельных районах Заказанья [4]).

Уже в первой половине XVI в. среди подчиненного каринским князьям населения наряду с *арянами* (видимо — предки чепецких татар, выходцы из Арской

земли), *вотьяками* (северные удмурты), русскими документами упоминаются *чуваша* или *чуваша арские*. П.Н.Луппову на основе скрупулезного анализа русских письменных источников XVI-XVII вв. удалось убедительно показать, что этими названиями в них именовались предки бесермян [5].

Думается, что наименование *чуваша* применительно к предкам бесермян использовалось вышеупомянутыми русскими документами отнюдь не случайно. Этнографами уже давно отмечено, что в материальной культуре бесермян (особенно — в традиционной одежде) имеется много общего с традиционной материальной культурой чувашей [6]. В лексике бесермянского наречия отмечены некоторые булгаро-чувашские заимствования, отсутствующие в других диалектах удмуртского языка. Эти факты вполне основательно трактуются многими исследователями как следствие чрезвычайно тесных контактов предков бесермян с чувашами в прошлом.

Среди существующих на сегодняшний день гипотез о происхождении этнонима *чуваш* наиболее обоснованной, на мой взгляд, является та, что возводит данный этнический термин к общетюркскому нарицательному слову со значением 'мирный, тихий, спокойный, смиренный' [7]. Такая трактовка, кроме прочего, хорошо согласуется со в целом мирным, неагрессивным характером и поведением чувашей, отличавшим в историческое время этот народ от их воинственных соседей-марийцев. Наиболее же вероятным предположением о происхождении поволжско-тюркского названия марийцев (тат. *çirmeş*, чув. *šarməs*) выглядит гипотеза о его связи с тюркским корнем **čer-* 'сражаться, воевать'. Из этого же поволжско-тюркского источника происходит, по-видимому, и старое русское название марийцев — *черемисы* [8].

Представляется весьма вероятным и логичным, что волжские булгары, а позднее и казанские татары, подразделяли подчиненное им немусульманское население на 'мирных' и 'немирных' инородцев — '*чувашей*' и '*черемисов*'. Таким образом в разряд 'мирных', т.е. *чувашей*, совершенно законно попало население правобережья Волги — Горной стороны (предки нынешних чувашей), а также немусульманское население Заказанья, Арской земли — *чуваша арские*. Население этого последнего района в этническом плане и в волжско-булгарскую, и в золотоордынскую эпохи, и в эпоху Казанского ханства было, по всей видимости, весьма пестрым. Наряду с булгарским и кипчакским населением, исповедовавшим ислам, здесь проживали и тюркоязычные немусульманские группы, говорившие, вероятно, на языке, близком современному чувашскому, а также предки южных удмуртов и бесермян. Всю совокупность этого подвластного и платившего подати попеременно Волжской Булгарии, Золотой Орде и Казанскому ханству мирного земледельческого населения булгары и кипчаки именовали '*чувашами*'. Переселившись на Чепцу, предки бесермян принесли туда с собой и это свое старое название.

П. Н. Луппов, исследуя проблему происхождения бесермян, обнаружил, что в русских архивных документах начала XVII века, касающихся населения Каринского стана Вятской земли наименование *чуваша* иногда начинает чередоваться с названием *бесермяне*, причем в случаях, когда речь явно идет об одних и тех же людях. К середине XVII в. такое чередование этих названий значительно учащается, а во второй половине столетия термин *бесермяне* постепенно вытесняет из обращения термин *чуваша* [9].

Каким же образом этнический термин, бывший еще XIV – XV вв. названием какой-то особой группы потомков волжских булгар, мусульман по вероисповеданию (см. выше), к концу XVII в. стал обозначать особую пермоязычную этническую группу (более того — стал ее самоназванием!), населявшую бассейн р. Чепцы, которая, к тому же, по-видимому, никогда не исповедовала ислам?

Одним из возможных объяснений причин этого феномена является толкование происхождения самоназвания бесермян, которое было предложено В. В. Напольских. По его мнению, ещё на территории Арской земли булгары-бесермены вполне могли иметь весьма тесные контакты с некоторыми южными группами удмуртов — древними насельниками этих мест. Не исключено, что какая-то часть южных удмуртов, находившаяся с бесерменами в особо тесном контакте, переняла у господствующей группы определенные черты материальной и духовной культуры, а также этноним, начав называть себя словом *бесерман*. Переселившись на Чепцу вместе с арскими татарами, эта группа южных удмуртов принесла сюда и свое самоназвание [10].

Не отрицая правдоподобности и неплохой аргументированности этой гипотезы, я всё же возьму на себя смелость предложить свою, которая, на мой взгляд, не столько противостоит гипотезе В. В. Напольских, сколько уточняет и дополняет её.

Нужно подчеркнуть, что особо тесные связи в давнем и недавнем прошлом предков бесермян с тюрками-мусульманами, вообще говоря, несомненны. Об этом свидетельствуют многочисленные явления языка бесермян, их традиционной материальной и духовной культуры. Весьма вероятно также, что до переселения на Чепцу предки бесермян имели длительные и тесные контакты с мусульманами Арской земли, которых русские источники XIV-XV вв. именovali *бесерменами* (см. выше). Однако, все эти обстоятельства еще не объясняют причин усвоения бесермьянами своего нынешнего самоназвания.

Мне представляется весьма вероятным, что переселившись из Арской земли на север, в бассейн р. Чепцы и оказавшись в новом для себя этническом окружении, предки бесермян стали испытывать необходимость в новом самоназвании для того, чтобы как-то особо позиционировать себя в этой новой этнической обстановке. По ряду причин этноним *чуваши* для этой роли подходил плохо. Во-первых, на Чепце исчезла сама необходимость в противопоставлении *«чувашей»* и *«черемисов»* ввиду полного отсутствия последних как таковых. Во-вторых, этнический термин *чуваши* в XVI-XVII вв. окончательно закрепляется за складывающимся в Среднем Поволжье чувашским народом в его современном понимании. Посему название *чуваши* по отношению к предкам бесермян к концу XVII в. окончательно становится неактуальным, анахронистическим, и постепенно вытесняется словом *бесерман* (с его фонетическими вариантами).

По-видимому, желая утвердить в собственном сознании и сознании соседей своё отличие от местных старожилов — северных удмуртов, предки бесермян стали всячески подчеркивать то, что они являются выходцами из Заказанья, из земли, где живут *бесермены* (т.е. мусульмане). По свидетельству Сигизмунда Герберштейна, ещё в первой половине XVI в. казанские татары предпочитали называться *besermani* [11]. Широко известно, что многие казанские татары вплоть до конца XIX в. считали название *татары* обидным, предпочитая именовать себя *казанцами*, *булгарами* и, в частности, *мусульманами*. Активные связи, которые каринские татары (а через них — и бесермяне) поддерживали с Казанью и окрестными

землями, должны были весьма способствовать долговому сохранению среди бесермян и их соседей исторической памяти о южном, заказанском, «бесерменском» происхождении этого народа.

Предлагаемая версия вполне согласуется с законами номинации этнических групп, принятых в удмуртском языке. Так, например, соседи бесермян — удмурты территориальной группы *Ватка*, будучи изначально жителями Вятской земли, получили свое название от русского слова *Вятка*. Причём в удмуртском языке термин *Ватка* мог означать не только реку и город Вятку, Вятскую землю, но население этой земли — *вятчан* (ср. удм. *ваткаос кузонъёсыз вормиллям* 'вятчане казанцев победили' [12]). Являясь изначально составной частью населения Вятской земли, удмурты-*Ватка* и получили в результате это название.

Удмурты другой территориальной группы, *Калмез*, также получили своё наименование по основному месту своего проживания — бассейну реки Кильмезь (удм. *Калмез*; левый приток р. Вятки). По поводу происхождения этнонима *Калмез* исследователями выдвигались самые разные предположения и гипотезы, к чему приложил руку и автор этих строк. Предложенная мной гипотеза о связи названия *Калмез* с удмуртским апеллятивом *кылемез* 'остаток' [13] сегодня смело может быть признана такой же ошибочной, как и прочие гипотезы, выдвигавшиеся в разное время разными исследователями, а посему происхождение данного этнонима по-прежнему остается неразгаданным. Однако, уже сегодня можно смело утверждать, что этноним *Калмез* является производным от гидронима, названия реки Кильмези, а тот по-видимому, в свою очередь происходит, от какого-то тюркского корня [14].

Таким образом, предлагаемая здесь гипотеза, с одной стороны, еще раз подчеркивает тесную связь происхождения предков бесермян с Заказаньем, Арской землей, а с другой стороны, указывает на возможное длительное сохранение этой связи в исторической памяти бесермян и их соседей.

Примечания

1. Будучи близки удмуртам по языку и проживая по соседству с северными удмуртами, бесермяне, тем не менее, никогда себя с удмуртами не отождествляли и вплоть до 1930-х гг. официально считались особой народностью. Согласно всесоюзной переписи населения 1926 года, в СССР на тот момент проживало более 10 тыс. бесермян. Позднее бесермяне были признаны субэтнической группой удмуртского народа и перестали учитываться при переписях населения. Лишь в 1993 году специальным постановлением Верховного Совета Удмуртской Республики они вновь были признаны самостоятельной национальностью. Численность бесермян по данным всероссийской переписи 2002 года — ок. 3 тыс. человек.
2. Напольских В.В. Введение в историческую уральистику. Ижевск, 1997. С. 52–53; Он же. «Бисермины» // О бесермянах. Сборник статей. Ижевск, 1997.
3. Напольских В. В. «Бисермины» ..., с. 51.
4. Кельмаков В.К. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Ижевск, 1987. Т. 1.
5. Луппов П.Н. О бесермянах // О бесермянах. Сборник статей. Ижевск, 1997. С. 22–23
6. См. напр.: Белицер В.Н. К вопросу о происхождении бесермян // Труды института этнографии. М.—Л., 1947. Вып. I.

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т.4. С. 376; Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. S. 175.
8. Напольских В.В. Введение в историческую уралистику..., с. 42.
9. Луппов П. Н. О бесермянах..., с. 23.
10. Напольских В.В. Введение в историческую уралистику..., с. 53.
11. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб, 1908. С.151.
12. Архипов Г.А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 37.
13. Белых С.К. Об этнониме «Калмез» // Вордском кыл. Ижевск, 1992. № 3.
14. Напольских В.В. Удмуртскио материалы Д.Г.Мессершмидта. Ижевск, 2001. С. 132.